Багалей

Записки о Московии И. Перштейна и Бухау

Записки о Московіи Іоанна Перништейна и принца Даніила фонъ-Бухау.

Къ эпохѣ Ивана Грознаго относятся два любопытныхъ источника: „Донесеніе о Московіи Іоанна Перништейна, посланника Нѣмецкаго императора Максимиліана II при Московскомъ дворѣ въ 1575 [1]) году“ и „Начало и возвышеніе Московіи“, сочиненіе Даніила Принца изъ Бухова [2]). Второе сочиненіе съ внѣшней стороны не представляетъ никакихъ затрудненій; но нельзя этого сказать о первомъ. Дѣло въ томъ, что существуетъ нѣсколько списковъ „Донесенія“, причемъ въ однихъ авторъ называется Іоанномъ Перништейномъ, а въ другихъ Филиппомъ. Такъ мы имѣемъ два списка на итальянскомъ языкѣ, заглавія которыхъ почти сходны между собою, исключая того, что въ одномъ Перништейнъ называется Іоанномъ, и посольство отнесено къ 1575 году, а въ другомъ Филиппомъ, и посольство отнесено къ 1579 году; но и тотъ, и другой помѣчены однимъ и тѣмъ же мѣстомъ: польскимъ городомъ, Ловичемъ. Существуетъ также переводъ съ итальянскаго на латинскій, гдѣ также авторъ называется Филиппомъ Перништейномъ. Кромѣ этихъ трехъ списковъ, хранящихся въ Ватиканской библіотекѣ, есть еще слѣдующіе: одинъ въ Берлинской Королевской библіотекѣ, другой въ Московскомъ публичномъ музеѣ [3]), третій, наконецъ, у Чіампи въ Пизѣ. Такимъ образомъ является спорнымъ во-

---

[1]) Текстъ на итальянскомъ яз. Hist. Rus. Monum. Спб. 1841. I, 255—264. Рус. пер. въ Чтен. М. Общ. ист. 1876 г. кн. II.

[2]) Текстъ подлинника латинскій, въ Script. rer Livonicar (съ изд. 1681 г.) II, 687—728. Извлеч. на рус. яз. въ „Ураніи“ 1826 и Жур. Мин. Нар. Пр. 1845; полн. перев. въ Чтен. М. О. ист. 1876, кн. III и IV.

[3]) Впрочемъ, начало и конецъ этихъ двухъ списковъ не согласуются съ началомъ и концомъ »Relazione«.

просъ объ имени автора. Но есть еще другое затрудненіе, гораздо важнѣе перваго. Дѣло въ томъ, что разбираемое нами „Донесеніе о Московіи“ Пернштейна почти буквально сходно съ „Письмомъ о Россіи“ Іоанна Кобенцеля [1]), который вмѣстѣ съ Принцемъ фонъ-Бухау въ 1576 году былъ посломъ у Ивана Грознаго. Является такимъ образомъ вопросъ, чѣмъ объяснить такое сходство: есть-ли оно результатъ заимствованія, или-же „Донесеніе“ Пернштейна есть только варіантъ Кобенцелева „Письма о Россіи“. Разъ мы разрѣшимъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что Перштейнъ и Кобенцель —одно и тоже лицо, споръ объ имени Перштейна сдѣлается излишнимъ. По мнѣнію Карамзина, „Донесеніе о Московіи“ и „Письмо о Россіи“ суть списки одного и того-же произведенія, авторомъ котораго былъ Кобенцель. „Въ подлинникѣ, говоритъ онъ, какъ вѣроятно, небыло имени сочинителя; а кто нибудь, слышавъ о Герберштейнѣ, посыланномъ въ Россію при Максимиліанѣ I, вставилъ Перштейна; но сей Giovanni есть Іоаннъ Кобенцель: не только время (1575-й г.), но и всѣ историческія обстоятельства несомнительно относятся къ его посольству“ (т. IX, пр. 439)[2]). Аделунгъ не согласенъ съ мнѣніемъ Карамзина и приводитъ противъ него такія возраженія. „Догадка знаменитаго историка, говоритъ онъ, не совсѣмъ основательна. Во первыхъ: рукопись эта подписана не 22 мая 1575 года, какъ говоритъ Карамзинъ, а въ подписи сказано: Di Lovitio in Polonia a 27 Maggio 1579 г. Во вторыхъ: Іоаннъ Кобенцель оставилъ намъ описаніе своего путешествія въ Россію полатыни и понѣмецки, но не поитальянски, а та рукопись, о которой мы говоримъ, писана на этомъ языкѣ. Въ третьихъ: слишкомъ смѣла догадка, чтобы кто нибудь совершенно неосновательно приписалъ сочиненіе этой рукописи Герберштейну, котораго имя и не Іоаннъ и который за 52 года передъ тѣмъ былъ въ Россіи [3])“. Таковы воз-

---

[1]) Латинскій и итал. тексты этого „Письма“ сохранились у Каспара Энса, въ такъ называемомъ Thesaurus Politicus, Colon. 1611, и въ Ph. Honorii Thes. Pol. Frcf 1817.

[2]) Не разбирая здѣсь мнѣнія Карамзина, мы только замѣтимъ, что посольство Кобенцеля вмѣстѣ съ Принцемъ фонъ-Бухау относится не къ 1575 г., а къ 1576, какъ это ясно видно изъ сочиненія принца Даніила („Начало и возвышеніе Московіи“) и одного русскаго источника („Памятники дипломатическихъ сношеній древ. Рос. съ державами иностранными“).

[3]) Аделунгъ. „Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 года“, стр. 184.

раженія Аделунга Карамзину. Но, не довольствуясь этимъ, онъ, въ противовѣсъ мнѣнію Карамзина, выставляетъ свое собственное. „Авторъ этого „Донесенія", говоритъ онъ, — не Іоаннъ Перпштейнъ и не Іоаннъ Кобенцель, какъ думаетъ Карамзинъ, а Филиппъ Перпштейнъ, который былъ посломъ отъ императора Рудольфа II къ московскому царю въ 1579 году". Всѣ эти возраженія, за исключеніемъ третьяго, очень слабы.

На первое можно отвѣтить, что Карамзинъ въ этомъ случаѣ пользовался тѣмъ спискомъ, на который мы раньше указывали и на которомъ было написано: Di Lovitio in Polonia a 27 di Maggio 1575 г.; 22 мая вмѣсто 27, конечно, опечатка, тѣмъ болѣе, что въ 440-мъ примѣчаніи къ 9-му тому Исторіи Государства Россійскаго стоитъ 27 мая. Второе опровергается собственными словами Аделунга. „Въ Ватиканской библіотекѣ находится, читаемъ мы у него [1]), итальянская рукопись подъ заглавіемъ: „Ricevimento dell Ambasciatore Imperiale in Moscovia 1576" Должно быть, это также описаніе Кобенцелева посольства, потому что въ 1576 году не было другого посольства изъ Вѣны кромѣ его." Изъ этихъ словъ выходитъ, что, въ противоположность своему предъидущему утвержденію, Аделунгъ указываетъ на существованіе описанія Кобенцелева посольства на итальянскомъ языкѣ; впрочемъ самъ же Аделунгъ указываетъ и еще на одинъ списокъ тоже на итальянскомъ языкѣ; онъ принадлежитъ профессору Чіампи и озаглавленъ такъ: „Relazione del Cobencel Ambasciatore Cesario al Gran Duca di Moscovia nel 1580 г [2])". Что же касается до третьяго возраженія, то его нужно признать вполнѣ основательнымъ. Но, не довольствуясь опроверженіемъ возраженій Аделунга, приведемъ положительныя доказательства въ пользу мнѣнія Карамзина. Во первыхъ. Если признать „Донесеніе" и „Письмо" за самостоятельныя произведенія двухъ отдѣльныхъ авторовъ, чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить сходство между ними, сходство, простирающееся до мельчайшихъ подробностей. Скажутъ, что тутъ было заимствованіе; но долженъ же быть извѣстный предѣлъ и заимствованію. Если въ этомъ „Донесеніи" описывается путешествіе Перпштейна, то должно же оно разниться отъ путешествія Кобенцеля. Что же мы видимъ?

---

1) Аделунгъ, часть 1-я, стр. 188.

2) 1580-й годъ по ошибкѣ вмѣсто 1576-го.

Приведемъ нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ „Донесенія“ [1]) и „Письма [2])“.

Literas, quas ad te de rebus Moschorum dederam diligenter servatas esse mirum in modum mihi placuit, quan quam fieri potest, ut iisdem de rebus fueris amplius atque diffusius edoctus postquam in Moscoviam dimissus fui neque Caesarea Majestas fortasse de reditu meo Summum Pontificem hactenus certiorem fecit, cum prius expeditionem meam cum Imperio, deinde cum Consiliariis communicatura, mox Summo Pontifici caeterisque Christianis Principibus significatura sit: ut scilicet illos ad confoederationem hortetur a Moscho vehementer expetitam contra Turcarum Imperatorem, ideoq.; expeditio mea aliter interpretanda non est.

Pergratum mihi accedit Dominationi Vestrae charum fuisse id, quod summarie de rebus Moscoviticis eidem nuper perscripseram; credo Vestram Dominationem postea uberiorem Relationem earundem rerum habuisse, posteaquam mea expeditio ubique sparsa sit. Sua Majestas Caesarea forsitan nondum de istis participem fecit Sanctissimum Dominum nostrum, volendo prius haec cum Sacro Imperio communicare et postea cum ejusdem consilio Suae Sanctitati et aliis Principibus Christianis notificare et hoc (ut credo) ut in illam confoederationem induci possint, quam Moscovita contra Turcam vehementer desiderat. Et propterea haec Taciturnitas non debet in alium sensum interpretari.

Какъ видимъ изъ этого сопоставленія, цѣль посольства и одинъ, и другой выставляютъ одну и туже и при томъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. О самомъ выполненіи посольства тоже разсказывается одинаково.

Innuit mihi, ut meam narrationem pergerem. Itaque horam

Postea dedit signum ut ulterius loquerer, quod et feci per in-

---

1) См. въ Philippi Honorii „Thesaurus Politicus“ (Frcf. 1617) Philippi Pernisten Imperialis legati Majestatis Caesareae, viri excelentissimi, Relatio de Magno Moschorum Principe, anno 1579.

2) Sammlung.. herausgegeben v. B. Vichmann, Berl. 1820, стр. 3—32. и Hist. Ruthen. Script. ext. ed. Ad. Starczewski, Berol. et Petr. 1841. II, 11—20

fere integram ipsum detinui quia scilicet legatio mea sex capitibus praecipuis continebatur, satisque longa erat: quam ad verbum sibi jussit interpretari.

tegram fere horam, legatione mea id exigente, quae 6 capita magnae importantiae continebat, quae ipse sibi quasi de verbo ad verbum interpretari fecit.

Мы взяли первыя попавшіяся мѣста, но количество ихъ мы могли бы увеличить до безконечности.

Во вторыхъ. Описаніе посольства Перштейна совершенно сходно съ описаніемъ посольства Кобенцеля, помѣщеннымъ въ русскомъ источникѣ: въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными[1])“. Сравнивая описанія этихъ двухъ посольствъ, мы должны прійти къ заключенію, что это было одно и тоже посольство. Приведемъ рядъ параллельныхъ фактовъ изъ „Донесенія“ и „Памятниковъ“

Главнымъ приставомъ Перштейна былъ князь Дмитрій[2]).	Главнымъ приставомъ Кобенцеля былъ кн. Дмитрій Петровичъ Елецкій[3]).
Перштейнъ прибылъ въ Московію въ началѣ Рождественскаго поста[4]).	Кобенцель прибылъ въ Московію 2 декабря[5]).
Перштейнъ былъ въ Дорогобужѣ 6-го января, на Крещеніе[6]).	Кобенцель былъ въ Дорогобужѣ отъ 6-го декабря до 1-го четверга послѣ Крещенія[7]).
Во время пребыванія Перштейна въ Дорогобужѣ, къ нему были присланы царемъ его	„Были, декабря 16-го, бояринъ и намѣстникъ Тверской, Никита Романовичъ Юрьевъ, бояринъ и намѣс-

помѣч. 1577 г.) Старин. латин. переводъ былъ сдѣланъ съ серб. (иллир.) яз. Рус. перев. съ латин. изд. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1842, № 9.

[1]) Т. I, 481—574. Здѣсь мы находимъ болѣе подробныя извѣстія о посольствахъ, и въ томъ числѣ о посольствѣ Кобенцеля, чѣмъ даже въ сочиненіяхъ самихъ пословъ.

[2]) „Дон. о Моск.“, стр. 4-я, по изд. въ Чтен. Моск. Общ. ист. 1876, кн. II.

[3]) „Пам. дип. снош.“ стр. 481, 484.

[4]) „Дон. о Моск.“, стр. 7-я.

[5]) „Пам. дип. сн.“, стр. 486.

[6]) „Дон. о Моск.“ стр. 5-я.

[7]) „Пам. дип. сн.“ стр. 487 и 502.

дворецкій, по имени князь Никита Романовичъ, съ нимъ другой князь изъ тайнаго его Совѣта, также канцелярскій, со многими при нихъ боярами [1])".

Не доѣзжая одной мили до Можайска, Перштейна встрѣтили три новые пристава [3])".

Перштейнъ въ подарокъ Московскому Царю даетъ ожерелье, украшенное 62 довольно крупными брильянтами съ императорскою короною наверху [5]).

Съ Перштейномъ въ качествѣ легкихъ пословъ къ Нѣмецкому Императору отправляются изъ Москвы: Захарій Суборскій и Андрей Арцыбашевъ [7]).

тникъ Можайскій, князь Василій Андреевичъ Сицкій да дьякъ Андрей Яковлевичъ, сынъ Щелкаловъ [2]).

Не доѣзжая до Можайска, Кобенцеля встрѣтили 3 новые пристава: Михаилъ Долматовичъ Карповъ, князь Михаилъ Ѳеодоровичъ Борятинскій, да дьякъ Василій Колудоровъ [4]).

Кобенцель въ подарокъ Московскому Царю даетъ „ланцугу золоту съ каменьемъ, а на ней имя Цесаря Римскаго и съ его цесарскимъ вѣнцомъ [6])".

Кобенцелю и Принцу фонъ-Бухау Царь Московскій даетъ легкихъ пословъ, Захарія Сугорскаго и Андрея Арцыбашева [8]).

Обратимся теперь къ разбору мнѣнія Аделунга, что авторомъ

[1]) „Дон. о Моск.", стр. 10.
[2]) „Пам. дип. сн." стр. 493.
[3]) „Дон. о Мос.", стр. 11.
[4]) „Пам. дип. сн." 503—506.
[5]) „Дон. о Моск." 12.
[6]) „Пам. дип. сн.". стр. 513.
[7]) „Дон. о Моск." 15.
[8]) „Пам. дип. сн." 513. Это послѣднее обстоятельство требуетъ поясненія. Если признать Перштейна за самостоятельнаго посла, то выйдетъ противорѣчіе. Какъ съ Перштейномъ могли отправиться Сугорскій и Арцыбашевъ въ Вѣну, когда мы его видимъ, вслѣдъ за окончаніемъ посольства, въ Польшѣ на сеймѣ? Но затрудненіе исчезнетъ, если мы признаемъ въ Перштейнѣ Кобенцеля. Сугорскаго и Арцыбашева Царь дѣйствительно послалъ съ Кобенцелемъ и Бухау въ Вѣну; но отправились они не съ Кобенцелемъ, а съ Бухау черезъ Ливонію.

„Донесенія“ нужно считать Филиппа Пернштейна (иначе Пренистайна, Пернестена, Пренистана), который былъ посломъ отъ Нѣмецкаго императора Рудольфа II къ Московскому царю въ 1579 году. Доказательствъ въ пользу своего мнѣнія Аделунгъ не приводитъ никакихъ; онъ скорѣе предполагаетъ, на основаніи сочиненій съ именемъ Филиппа Пернштейна, о существованіи этого посла и его посольства въ 1579, чѣмъ знаетъ объ этомъ на основаніи достовѣрныхъ извѣстій. Доказываемое является у него такимъ образомъ доказательствомъ: ему нужно было доказать, что авторомъ „Донесенія“ былъ Филиппъ Пернштейнъ, имя котораго было выставлено на нѣкоторыхъ спискахъ, а онъ доказываетъ это тѣмъ, что встрѣтилъ нѣсколько списковъ „Донесенія“ съ именемъ Филиппа Пернштейна. Но независимо отъ этихъ общихъ соображеній, мы имѣемъ положительныя доказательства, что Филиппъ Пернштейнъ (если только существовалъ) не былъ посломъ отъ Нѣмецкаго императора къ Московскому царю въ 1579 году; мало того—что такого посла вовсе не было при Московскомъ дворѣ въ царствованіе Ивана Грознаго. Во первыхъ. Въ первомъ томѣ „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“ (Спб. 1851) находится описаніе почти всѣхъ посольствъ, относящихся къ царствованію Ивана Грознаго; говоримъ: почти всѣхъ, потому что часть дѣлъ сгорѣла во время пожара, такъ что нѣкоторые годы, въ томъ числѣ и 1579-й, остаются пустыми; но въ замѣнъ этого въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранилось нѣсколько рукописей, заключающихъ описаніе дѣлъ Посольскаго Приказа. Посмотримъ, относится ли къ 1579 году посольство Филиппа Пернштейна. Въ промежутокъ времени отъ 1576—1583 года были слѣдующія посольства: посольство Кобенцеля, отправленіе Сугорскаго и Арцыбашева къ цесарю, отпускъ къ Максимиліану и пріѣздъ въ Москву посла Ждана Квашнина. Посольства Филиппа Пернштейна нѣтъ ни подъ 1579 годомъ, ни подъ какимъ изъ предъидущихъ или послѣдующихъ.

Во вторыхъ. Въ самомъ началѣ „Донесенія“ мы читаемъ слѣдующее:

„Свѣтлѣйшій и честнѣйшій Монсиньоръ! Получилъ я письмо Вашей Честнѣйшей Милости отъ 8-го числа прошлаго мѣсяца уже здѣсь, въ Польшѣ, гдѣ нахожусь по повелѣнію Его Цесарскаго Величества съ двумя моими товарищами для присутствованія при Варшавскомъ сеймѣ, открывшемся на сихъ дняхъ, но пріостановленномъ до будущаго 3-го числа іюня. На этомъ сеймѣ мы должны представиться и дѣй-

ствовать согласно даннымъ намъ наказамъ; не скрою однако же отъ Васъ, что дѣло это причиняетъ намъ много хлопотъ, а главное потому что Его Свѣтлость нѣсколько уже разъ писалъ мнѣ поспѣшить прибытіемъ моимъ къ нему". Если признать авторомъ „Донесенія" Кобенцеля, то легко будетъ понять это мѣсто. Кобенцель долженъ былъ на сеймѣ 1576 года стараться объ избраніи на вакантный тогда польскій престолъ австрійскаго эрцгерцога Эрнеста. Но о чемъ долженъ былъ стараться на Варшавскомъ сеймѣ Филиппъ Пернштейнъ? Отвѣта на этотъ вопросъ Аделунгъ не даетъ. Но мало того: если признать, что Филиппъ Пернштейнъ былъ посломъ въ Россію въ 1579 году, то на Варшавскомъ сеймѣ онъ долженъ былъ присутствовать въ томъ же 1579 или въ началѣ 1580 года; между тѣмъ изъ „Volumina legum" мы знаемъ [1]), что въ 1579 г. вовсе не было сейма, а въ 1580 г. поднимались чисто внутренніе вопросы (напр. warunek wybierania poborow, oddawanie pieniędzy и т. д.). Въ третьихъ. Нельзя этого посольства отнести къ 1579 году еще и потому, что на многихъ спискихъ Перннштейнъ названъ посломъ Максимиліана II-го; между тѣмъ какъ въ 1579-мъ году уже царствовалъ Рудольфъ II. Такимъ образомъ все это несомнѣнно доказываетъ, что авторомъ „Донесенія" былъ Кобенцель. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить появленіе фамиліи Перннштейна въ „Донесеніи", принадлежащемъ Кобенцелю? Ни Іоаннъ Перннштейнъ, ни Филиппъ не были, какъ мы видѣли выше, послами при Московскомъ дворѣ. Но мы знаемъ, что въ 1572 г. отправлялось отъ Максимиліана II въ Польшу посольство, во главѣ котораго стояли: высшій бургграфъ Вильгельмъ изъ Розенберга и *Вратиславъ изъ Перштина*, великій канцлеръ Чешской короны [2]), и которое имѣло цѣлью доставить вакантный тогда польскій престолъ одному изъ сыновей императора. Миссія его, какъ извѣстно, не имѣла успѣха, такъ какъ былъ выбранъ въ Польскіе короли Генрихъ Валуа (въ 1573 году). Онъ впрочемъ вскорѣ предпочелъ французскій престолъ польскому, и Польша такимъ образомъ снова осталась безъ короля. Теперь съ такими порученіями, какъ прежде Вратиславъ Перннштейнъ, былъ отправленъ

---

[1]) Vol. leg.. II, стр. 198 и 202—205.

[2]) „Варшав. Унив. Извѣстія", 1878 г. № 3. Четвертый отчетъ кандидата Вержбовскаго о научныхъ занятіяхъ за границею въ 1877 году.

Кобенцель. Но въ виду того, что съ одной стороны промежутокъ между ихъ посольствами былъ крайне незначителенъ (всего 4 года), съ другой—цѣли ихъ посольствъ однѣ и тѣже, легко было смѣшать обоихъ пословъ и приписать „Донесеніе“ Перштейну [1]).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о содержаніи разбираемыхъ нами памятниковъ. Мы пришли къ заключенію, что Перштейнъ есть тотъ же Кобенцель, который вмѣстѣ съ Принцемъ фонъ-Бухау былъ отправленъ посломъ въ Москву къ Ивану Грозному въ 1576 году. Это посольство было отправлено по слѣдующему поводу. Въ 1572 году умеръ въ Польшѣ послѣдній изъ Ягеллоновъ, и Максиміліанъ, желая посадить на польскій престолъ эрцгерцога Эрнеста, просилъ содѣйствія со стороны Ивана IV; въ тоже время посламъ наказано было замолвить словечко у Грознаго царя за Ливонію. Іоаннъ изъявилъ было согласіе [2]); но неуступчивость императора въ отношеніи Ливоніи и нежеланіе его признать царскій титулъ Іоанна (императоръ признавалъ Іоанна только Казанскимъ и Астраханскимъ царемъ, но не царемъ всея Руси) охладили въ царѣ расположеніе къ Эрнесту, и онъ почти равнодушно смотрѣлъ на предпочтеніе ему Стефана, сына венгерскаго палатина Баторія. Такимъ образомъ посольство не достигло своей ближайшей цѣли, но было полезно въ томъ отношеніи, что оба посла оставили намъ рядъ замѣтокъ о Московіи. Вообще оба сочиненія по содержанію своему сходны; различіе заключается только въ томъ, что второе гораздо подробнѣе перваго; поэтому мы воспользуемся главнымъ образомъ сочиненіемъ Принца Даніила, заимствуя впрочемъ нѣкоторые факты и у Кобенцеля. Распредѣлить матеріалъ въ извѣстныя группы намъ будетъ очень легко, такъ какъ рамки для него даны: сочиненіе Принца фонъ-Бухау раздѣляется на 9 главъ.

Въ концѣ 1-й главы Бухау, какъ современникъ и очевидецъ даетъ намъ характеристику Іоанна „Онъ высокаго роста, читаемъ мы

---

1) Такимъ образомъ и „догадка“ г. Бодянскаго, что послѣднее принадлежитъ неизвѣстному лицу и составлено, между прочимъ, на основаніи описанія Кобенцеля—не можетъ имѣть мѣста. Чтеніе Моск. общ. ист. 1876, II, предисл. III—VI.

2) Какъ видно изъ отчета, поданнаго обоими послами, Русскіе выставили ультиматумъ, чтобы Польша досталась Эрнесту, а Литва Ѳедору Ивановичу.

у него; тѣло имѣетъ полное силы и довольно толстое, большие глаза, которые у него постоянно бѣгаютъ и все наблюдаютъ самымъ тщательнымъ образомъ. Борода у него рыжая, съ небольшимъ оттѣнкомъ черноты, довольно длинная и густая, но волоса на головѣ, какъ большая часть Русскихъ, брѣетъ бритвою". Черты его характера были таковы. „Онъ такъ склоненъ къ гнѣву, что, находясь въ немъ, испускаетъ пѣну, словно конь, и приходитъ какъ бы въ безумiе; въ такомъ состоянiи онъ бѣсится также и на встрѣчныхъ. Жестокость, которую онъ часто совершаетъ, имѣетъ ли начало въ природѣ его или въ низости подданныхъ, я не могу сказать. Если кто немного тяжелѣе провинится, того со всѣмъ семействомъ, также слугами и всѣмъ, что одарено живою душею, уничтожаетъ съ корнемъ. Такъ какъ онъ это дѣлалъ часто, то нѣкоторыя мѣста своихъ владѣнiй и превратилъ въ пустыню". Изъ этой характеристики видно, что большую роль въ фактахъ жестокости Іоанна игралъ его темпераментъ. Это былъ темпераментъ живой и впечатлительный, а отсутствiе правильнаго воспитанiя повело къ тому, что онъ не привыкъ сдерживать своихъ порывовъ. Говоря о женахъ вел. князя, Принцъ передаетъ любопытный обычай выбора царской невѣсты. „Намѣреваясь вступить въ супружество, онъ созываетъ къ себѣ боярскихъ дочерей изъ всѣхъ владѣнiй и сначала ихъ осматриваетъ всѣхъ, а спустя нѣсколько дней половину отсылаетъ; скоро потомъ число ихъ опять уменьшаетъ, пока, наконецъ, не останется одна та, которую передъ прочими онъ считаетъ достойною супружества съ собою [1]). На свадьбу приглашаются только родственники невѣсты и нѣкоторые вѣрнѣйшiе придворные. По окончанiи этого между призванными къ торжеству разбрасываютъ драгоцѣннѣйшiе собольи мѣха [2])".

Во второй главѣ говорится о религiи Русскихъ. Факты, приводимые обоими нашими авторами, указываютъ на сильное развитiе религiозности въ средѣ тогдашняго общества, причемъ формы выраженiя ея были тогда почти такiя же, какъ и теперь. По словамъ Перштей-

---

1) Подтвержденiемъ этого могутъ служить двѣ грамоты царя Ивана Васильевича о собранiи невѣстъ для выбора царю: одна декабря 1546 года въ Новгородъ, а другая января 1547 г. въ Дорогобужъ и Вязьму (Собр. Гос. Грам., часть 2-я № 34 и 35).

2) Подробности о свадебномъ обрядѣ смотри въ Древ. Рос. Вивлiоѳикѣ, часть XIII, стр. 5—19.

на—Кобенцеля, Русскіе болѣе соблюдали религіозные обряды, чѣмъ Нѣмцы. „Относительно религіозныхъ обрядовъ, читаемъ мы у него, они ихъ соблюдаютъ болѣе, чѣмъ мы: такъ сопровождавшіе меня никогда не проѣзжали мимо какой нибудь обители или церкви или другого религіознаго предмета, каковые встрѣчаются весьма часто путешественникамъ, безъ того, чтобы не слѣзть съ коней, либо не выйти изъ саней, при чемъ они осѣнялись троекратно крестнымъ знаменіемъ и наклонялись почти до земли, произнося громогласно: „Pomiloy Hospodi, Hospodi pomiloy! т. е. Kyrie Eleyson"! А когда мы проѣзжали мимо церквей въ то время, когда въ нихъ шла обѣдня, они входили туда, клали земные поклоны, стуча головою о полъ или о сосѣднюю стѣну, особливо во время вознoшенія Евхаристіи". „У нихъ, говоритъ Бухау, существуетъ убѣжденіе, что, кто не имѣетъ собственной иконы, тотъ не можетъ должнымъ образомъ исправлять своихъ молитвъ [1]). Поэтому куда ни отправляются, они всегда носятъ ихъ съ собою. Кромѣ того во всѣхъ домахъ помѣщаютъ ихъ въ самомъ почетномъ мѣстѣ и входящіе чествуютъ ихъ наклоненіемъ головы и знаменіемъ креста, а послѣ того уже привѣтствуютъ по обычаю хозяина и другихъ присутствующихъ". Крестные ходы также были въ большомъ ходу. „Въ дни Богоявленія и 1-го августа, читаемъ мы у Бухау, они выходятъ къ сосѣднимъ рѣкамъ, въ зимнее время прорубливая ледъ; потомъ священники, облеченные въ священныя одежды, со многими свѣтильниками, освящаютъ воду и ею кропятъ образа святыхъ, принесенные туда въ большомъ числѣ изъ храма и частныхъ дворовъ; нерѣдко также больныхъ людей погружаютъ, чтобъ возстановить здоровье, и поятъ также пригнанный скотъ. И такъ, тогда стекается большое множество обоего пола и окропляетъ себя этою очистительною водою. Наканунѣ этихъ дней они знаменуютъ крестомъ всѣ двери, окна, также отверстія печей, руководясь, не знаю какимъ, ожиданіемъ грядущаго счастія". Посты соблюдались самымъ строгимъ образомъ. „Посты, говоритъ

1) Свои иконы имѣли даже въ церквахъ, при чемъ только хозяинъ имѣлъ право молиться такой иконѣ; виновный въ нарушеніи этого правила платилъ хозяину иконы часть ея стоимости. См. объэтомъ въ статьѣ Рущинскаго „Религіозный бытъ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностран. писателей XVI и XVII вв". Чтен. Моск. общ. ист. 1871, Ш, 1—3.

Бухау, они до того строго наблюдали, что часто, особенно наиболѣе преданные благочестію, въ продолженіи многихъ дней воздерживаются отъ всякой пищи и по большей части питаются рыбою, высушенной на солнцѣ, рѣдко свѣжей, и нисколько не потворствуютъ себѣ по причинѣ нездоровья [1]). Изъ всѣхъ этихъ фактовъ можно вывести то заключеніе, что религіозность тогдашняго русскаго человѣка была внѣшняя, обрядовая [2]); и это нисколько не удивительно: только такую религіозность и имѣли въ виду даже тогдашніе просвѣтители-писатели духовнаго чина; дѣйствительно: какіе вопросы занимали древнихъ русскихъ людей и сильно иногда возмущали покой церкви? Вопросъ о томъ, какую пищу употреблять въ извѣстные праздники, если они случатся въ постные дни; въ концѣ XV вѣка новгородскій владыка Геннадій спрашивалъ знаменитаго въ то время грамотѣя, толмача Димитрія Грека, какъ правильнѣе рѣшить вопросъ объ аллилуіа (нужно ли его двоить или троить). Димитрій отвѣчалъ ему изъ Рима, что онъ смотрѣлъ въ книгахъ и ничего въ нихъ не нашелъ объ этомъ дѣлѣ: „но помнится мнѣ, продолжалъ Димитрій, что и у насъ споръ бывалъ между великими людьми, и они рѣшили, что и то, и другое можно допустить: троякое аллилуіа съ четвертымъ: Слава Тебѣ, Боже! означаетъ единосущіе Тріипостаснаго Божества; а сугубое аллилуіа означаетъ въ двухъ естествахъ единое лицо Христа Бога“.

Въ третьей главѣ говорится о пріемѣ и содержаніи пословъ.

---

[1]) Всѣ эти факты религіозности Русскихъ потверждаются другими иностранцами, бывшими въ Россіи или писавшими о ней въ XVI в. (Герберштейномъ, Поссевиномъ, Гваньини, Одерборномъ, Ласицкимъ и др.). См. объ этомъ обстоятельное сочин. Рущинскаго „Религіозный бытъ Русскихъ у иностранцевъ XVI и XVII вв“.

[2]) Къ такому же точно выводу приходитъ и Рущинскій, свѣрившій и сопоставившій извѣстія всѣхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVI и XVII вв. „Если кратко очертить взглядъ иностранцевъ, говоритъ онъ, на нашъ религіозный бытъ, то слѣдуетъ сказать, что они смотрѣли на Россію, какъ на страну по преимуществу внѣшняго благочестія, гдѣ было много иконъ, церквей, колоколовъ, гдѣ на каждомъ шагу можно было встрѣтить русскаго, отвѣшивающаго поклоны, гдѣ гулъ отъ колокольнаго звона заглушалъ слухъ, гдѣ соблюдались самые строгіе посты, гдѣ нравственность измѣрялась внѣшними подвигами“.

Прежде всего посольство должно было испросить себѣ открытый листъ (опасную грамоту). Тогда на встрѣчу высылались проводники—пристава, на обязанности которыхъ лежала забота о всемъ нужномъ въ дорогѣ: о лошадяхъ, провіантѣ и т. д. Иногда посламъ дѣлались очень торжественныя встрѣчи. „У Смоленска, говоритъ Бухау, посольство было встрѣчено съ великою торжественностью; среди стрѣльцовъ и въ сопровожденіи большой толпы народа было проведено черезъ городъ и переночевало въ маленькой деревушкѣ". Важную роль играли подарки: у пословъ прямо спрашивали, какого рода подарки они намѣрены поднести. Пріѣхавъ въ Россію, послы становились, можно сказать, плѣнниками: ихъ держали взаперти, не позволяли говорить съ своими земляками. „Покуда мы были въ Дорогобужѣ, пишетъ фонъ-Бухау, намъ не дозволено было выходить, осматривать замокъ или даже говорить съ проходившими иногда литовскими купцами, ибо такой обычай этого народа, еще незнакомаго съ болѣе просвѣщенными нравами—держать пословъ иностранныхъ государей почти запертыми, чтобы они не могли узнавать, что у нихъ дѣлается; пословъ окружала въ это время стража, которая отъ насъ никогда не отходила, но была свидѣтельницей всего, что дѣлалось; при чемъ намъ также не позволялось ничего писать къ императору". Передъ самимъ прибытіемъ пословъ царь посылалъ имъ обыкновенно какіе нибудь подарки. Такъ Кобенцелю и Принцу фонъ-Бухау царь наканунѣ ихъ прибытія прислалъ въ даръ двѣ повозки, покрытыя бѣлыми медвѣжьими шубами, съ двумя лошадьми. Затѣмъ посольство помѣщали въ какомъ нибудь домѣ и содержали на царскій счетъ. При пріемѣ пословъ царь московскій старался окружить себя всевозможною пышностью, „ибо, говоритъ Бухау, народъ этотъ любитъ наружное щегольство."

Факты, приводимые Бухау въ доказательство этой мысли, довольно убѣдительны. „Іоаннъ, по словамъ Бухау, къ ихъ пріѣзду созвалъ почти изъ всѣхъ областей бояръ, которые, одѣтые въ красивыя и блестящія одежды, наполняли весь тотъ городъ, гдѣ мы были. У московскаго царя сложено огромное количество самыхъ блестящихъ одеждъ, сдѣланныхъ для этой цѣли, въ кладовой. И такъ, когда приходятъ иностранные послы, онъ уступаетъ ихъ своимъ боярамъ, которые вообще довольствуются дешевымъ платьемъ, и они очень заботятся, чтобы не замарать ихъ; если же будетъ какой вредъ, то принуждены бываютъ заплатить извѣстную пеню начальнику казны и изъянъ возна-

градить. Въ передней комнатѣ сидѣло очень много бояръ. Самъ вел. князь сидѣлъ съ большимъ числомъ думныхъ бояръ". Пышность царскихъ украшенiй была изумительна. „На головѣ у него, пишетъ Перн-штейнъ—Кобенцель, былъ вѣнецъ почти такой-же, какъ корона Его Святѣйшества Папы. Вся одежда его осыпана брильянтами, красными яхонтами, изумрудами и другими драгоцѣнными камнями величиною въ орѣхъ, и я не мало дивлюсь, какъ можетъ В. князь выдерживать такую тяжесть". Обилiе столовой посуды было изумительно. „На печномъ шесткѣ предпечiя, говоритъ Перштейнъ, разставлено было множество блюдъ, тарелокъ, чашъ и подобныхъ сосудовъ изъ золота и серебра, которые едва-ли помѣстились бы на 30 вѣнскихъ возахъ; со всѣмъ тѣмъ это не составляло вполнѣ всего великокняжескаго буфета, а принадлежало только той посудѣ, которая всегда находится въ томъ замкѣ, гдѣ мы на этотъ разъ обѣдали. А сколько имѣется таковой въ его столицѣ Москвѣ, тому и счета нѣтъ: тоже можно сказать объ его казнѣ и драгоцѣнностяхъ". Въ связи съ такою пышностью стоитъ и щедрость по отношенiю къ посламъ: они не только не имѣли ни въ чемъ недостатка, но даже принуждены были возвращать назадъ излишки. Такъ фонъ-Бухау разсказываетъ, что „въ виду огромнаго изобилiя съѣстныхъ припасовъ, имъ отпущенныхъ, онъ, удержавъ необходимое, остальное возвратилъ"; въ другомъ мѣстѣ онъ разсказываетъ, что В. князь прислалъ къ нимъ своихъ поваровъ, серебряную и кухонную посуду и далъ блестящее угощенiе съ великою пышностью; Перштейнъ—Кобенцель разсказываетъ, что передъ его отъѣздомъ царь московскiй прислалъ къ нему въ даръ восемь сороковъ соболей, каждая шкура коихъ оцѣнена въ Вѣнѣ въ 700 флориновъ, и сверхъ того всѣ его издержки во время пребыванiя были съ величайшею шедростью отнесены на его великокняжескiй счетъ, такъ что онъ не издержалъ ни одного кватрина кромѣ данныхъ на мелочи находившимся въ услуженiи людямъ. Но такая пышность и щедрость предполагаютъ по необходимости большiя денежныя средства. Какiе-же доходы были у московскихъ князей? Кромѣ обыкновенныхъ источниковъ дохода (въ родѣ, напримѣръ, податей, торговыхъ пошлинъ) были и источники, такъ сказать, экстра-ординарные. Такъ Иванъ Ш, по разсказу Кобенцеля, привезъ и сложилъ въ свою казну, по взятiи и разгромѣ Новгорода, до трехсотъ большихъ подводъ, нагруженныхъ мо-

нетою и множествомъ золота и серебра въ слиткахъ[1]). А Василій III, присоединивъ къ своей державѣ 15 княжествъ, вывезъ всю казну великокняжескую оттуда и отъ частныхъ лицъ и все это также сложилъ въ свое Московское хранилище. Тому самому примѣру послѣдовалъ и нынѣшній В. Князь, по покореніи имъ двухъ царствъ, Казани и Астрахани. Въ недавно минувшее время онъ поступилъ также при взятіи торговыхъ городовъ, Дерпта и Пернавы и многихъ другихъ богатѣйшихъ мѣстностей въ Ливоніи, гдѣ онъ не далъ своему войску попользоваться ни единымъ кватриномъ, а все забралъ себѣ, какъ первоначально дѣлали то Римляне.

Четвертая глава озаглавлена такъ: „Объ истинномъ значеніи слова царь". Въ ней Бухау доказываетъ несправедливость притязаній московскаго князя на титулъ царя; но она не представляетъ никакого интереса, и потому мы на ней останавливаться не будемъ.

Въ пятой главѣ говорится о бракахъ. Вступали въ бракъ очень рано: очень часто до совершеннолѣтія (дѣвицы на десятомъ году юноши—на двѣнадцатомъ или пятнадцатомъ). Женщинъ держали взаперти. „Если женщины, пишетъ фонъ-Бухау, выѣзжаютъ или взаимно посѣщаютъ другъ друга, то онѣ и въ зимнее, и въ лѣтнее время употребляютъ крытыя повозки безъ колесъ" [2]). Даже женихъ не могъ видѣть своей невѣсты. „Кто желалъ заключить бракъ, читаемъ мы у Бухау, тотъ долженъ былъ слѣдовать въ этомъ дѣлѣ указанію другихъ, потому что ему самому никакъ не дозволялось видѣть дѣвицу, особенно взрослую. И такъ, если онъ захочетъ имѣть какое либо понятіе о ея наружности, то принужденъ пользоваться услугами матери или другой родственницы и на этомъ успокоиться. Если по такому донесенію она понравится ему, то онъ проситъ ее черезъ друзей. Если онъ достигнетъ того, что ее за него выдаютъ, то дѣлается по условію приданое и подарокъ для свадьбы; къ этому иногда присоединяется условіе: буде до совершенія брака женихъ перемѣнитъ намѣреніе, то онъ платитъ извѣстное количество денегъ.

---

[1]) Ср. у Карамзина, VI, стр. 81.

[2]) Тутъ Бухау безъ сомнѣнія преувеличиваетъ; но въ старину ѣзда въ саняхъ считалась торжественнѣе и въ такихъ случаяхъ сани употреблялись иногда и лѣтомъ (Дополн. къ акт. истор. II, 215).

Наконецъ, въ день, назначенный для свадьбы, невѣста съ закрытымъ лицомъ приводится въ храмъ и при благодарственныхъ молитвахъ священникъ соединяетъ ее съ женихомъ [1]). По окончанiи этого старушки, которыя однѣ только бываютъ и снаряжаютъ молодую, отводятъ ее домой, ставятъ у постели и, снявши покрывало, наконецъ-то показываютъ жениху. Нравится-ли она или не нравится, онъ принужденъ взять ее [2])". Конечно, такой порядокъ вещей велъ за собою разводы и заключенiе женъ въ монастырь. „У нихъ ради безплодiя и по другимъ причинамъ, говоритъ фонъ-Бухау, дозволяются просьбы о расторженiи брака, особенно для знатнѣйшихъ. Очень многiе монастыри наполнены женщинами именно такого рода [3])". Таково было положенiе дѣвушки, положенiе, какъ мы видимъ, совершенно безправное. Только изъ такой дѣвушки и могъ выработаться типъ женщины-жены, представленный намъ Сильвестромъ въ его Домостроѣ. Въ семьѣ до замужества она была рабою родителей, теперь, по выходѣ замужъ, она—раба мужа. Но какъ прежде, такъ и теперь главная и единственная ея заповѣдь—покорность. И прежде, и теперь сферой ея дѣятельности является хозяйство, съ тѣмъ только различiемъ, что теперь она является болѣе самостоятельною. Но эта хозяйственная дѣятельность въ силу того, что являлась единственнымъ занятiемъ женщины, дѣлала изъ нея не подругу жизни, для которой мужъ—не господинъ, а товарищъ въ жизненномъ пути, а только и единственно экономку и при томъ такую, которая всегда и вездѣ являлась бы экономкой. Жаль какъ-то становит-

---

1) Почти буквально тоже самое повторяетъ и Котошихинъ, въ XIII главѣ своего сочиненiя, гдѣ говоритъ о бракахъ.

2) На обманы подобнаго рода указываетъ и Котошихинъ. „А будетъ у кого отца или матери есть 2 или 3 дочери, и первая дочь увѣчна, а другiя сестры ростомъ и красотою исполнены и во всемъ здоровы и будетъ кто сватается у того человѣка на дочери его и посылаетъ смотрѣть мать свою или сестру и кому вѣритъ, и тѣ люди вмѣсто тое своея увѣчныя дочери показываютъ другую или третью дочерь, и та присланная смотря дѣвицы тое излюбитъ и скажетъ жениху".

3) У Котошихина относительно этого мы читаемъ. „Когда женихъ узнаетъ истину послѣ брака, то умыслитъ надъ нею учинить, чтобъ она постриглась, а будетъ по доброй его волѣ не учинитъ, и онъ ее бьетъ всячески до тѣхъ мѣстъ что она похочетъ постричися сама".

ся ту (идеальную!...) жену, которая, говоря собственными словами Домостроя „всегдабъ за рукодѣльемъ сидѣла сама: то ей честь и слава, а мужу похвала; знаться должна бъ только съ тѣми, съ кѣмъ мужъ велитъ; съ гостями бесѣдовать о рукодѣльи и домашнемъ устройствѣ".

Въ шестой главѣ говорится о законахъ. „Воля вел. князя, такъ начинаетъ эту главу фонъ Бухау, есть для всѣхъ законъ". Этими словами онъ, конечно, не исключаетъ существованія писаннаго закона; онъ указываетъ только на степень развитія великокняжеской власти въ этотъ періодѣ. Изъ фактовъ юридическаго быта, приводимыхъ фонъ-Бухау, обращаетъ на себя наше вниманіе слѣдующій. „Если кто имѣетъ наслѣдственныя имѣнія, то передаетъ ихъ ближайшимъ родственникамъ, а полученныя отъ В. князя даромъ изъ щедрости, по смерти владѣтеля, возвращаются ему. Однако если останутся дѣти, то половина помѣстья оставляется на ихъ воспитаніе, если только отецъ не сдѣлалъ какого либо проступка. Когда они достигнутъ 15 лѣтъ, то начинаютъ служить и, если хорошо служатъ, могутъ вновь получить отцовское помѣстье". Это узаконеніе находится въ связи съ другими, имѣющими въ виду не допустить передачи по наслѣдству пожалованныхъ помѣстьевъ. Такъ въ дополнительныхъ указахъ къ Судебнику мы читаемъ: „которыя вотчины за князьями Ярославскими, Стародубскими, Ростовскими, Суздальскими... и за другими служилыми князьями вотчины старинныя, тѣмъ князьямъ вотчинъ своихъ не продавать, не мѣнять, за дочерьми и сестрами въ приданое не давать; а котораго князя бездѣтна не станетъ, и тѣ вотчины брать на государя. А который князь напишетъ въ своей духовной грамотѣ вотчину своей дочери или родной сестрѣ и душу свою напишетъ съ той вотчины строитъ (поминать), тѣхъ вотчинъ дочерямъ и сестрамъ въ приданое не давать; давать приданое и душу поминать изъ животовъ (движимаго имѣнія); а у котораго князя не будетъ столько животовъ, чтобъ можно было за дочерью въ приданое дать и душу поминать, то государь, разсудя по вотчинѣ, велитъ дать изъ своей казны, а вотчины велитъ взять государь на себя". Что касается до наказанія за уголовныя преступленія, то самое сильное полагалось за оскорбленіе В. князя. „Если кто оскорбитъ В. князя, читаемъ мы у Бухау, то его по большей части разсѣкаютъ въ кусочки, и не рѣдко вся семья его въ корень истребляется [1])". „За болѣе легкіе

1) Относительно отвѣтственности семьи за преступленія мужа мы на

проступки, говоритъ дальше фонъ Бухау, обнажаютъ до пояса и, выведши на улицу, бьютъ кнутомъ; этому наказанію нерѣдко подвергаются даже самые бояре и духовныя лица. Должникамъ или даже ихъ поручителямъ, если они не заплатятъ извѣстныхъ денегъ въ назначенный срокъ, каждый день у крѣпости или другого общественнаго мѣста отпускаютъ извѣстное число ударовъ, что продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока они не сдержатъ своего слова".

Въ седьмой главѣ говорится о нравахъ и образѣ жизни. Эта глава представляетъ очень большой интересъ, потому что рисуетъ очень наглядно бытовую сторону русской жизни въ XVI вѣкѣ. Первая черта, которую отмѣчаетъ фонъ-Бухау, есть величайшее уваженіе къ своему князю. „Если кто изъ присутствующихъ вспомнитъ о В. князѣ, и тѣ не обнажаютъ головъ, то имъ тотчасъ напоминаютъ объ этой обязанности. Если они кому либо приносятъ его грамоты, то несутъ ихъ, взявшись за нихъ двумя пальцами и поднявши кверху, и передаютъ съ величайшимъ почтеніемъ, кому онѣ слѣдуютъ". Но еще болѣе сильными красками рисуетъ туже черту у Русскихъ Перництейнъ-Кобенцель. „Замѣчательнѣе всего, говоритъ онъ, у Русскихъ послушаніе подданныхъ своему государю. Онъ никогда иначе не обращается къ нимъ какъ съ повелѣніями, а они считаютъ себя счастливѣйшими людьми, если могутъ пожертвовать за него не только достояніемъ своимъ, но и жизнію. Это происходитъ отъ того, что подданные смотрятъ на своего государя, какъ на лицо, приближенное къ Богу, и какъ на исполнителя Всевышней воли, и потому подчиняются безпрекословно всѣмъ его повелѣніямъ". Такая власть Ивана IV не будетъ нисколько удивительна, если мы припомнимъ, что уже Герберштейнъ писалъ: „В. князь Василій Ивановичъ кончилъ то, что начато было его отцомъ, и властью своею надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ". О пищѣ, напиткахъ и, такъ сказать, застольныхъ обычаяхъ Бухау говоритъ такъ. „За столомъ они держатся самыхъ простыхъ обычаевъ и такъ какъ не употребляютъ никакихъ тарелокъ, то пищу берутъ пальцами изъ чашекъ. Рыганіе у Русскихъ считается

ходимъ любопытное извѣстіе, что Иванъ Пронскій, давая запись царю, говоритъ въ ней, что въ случаѣ отъѣзда его царь воленъ казнитъ его и его жену. Обобщеніе у Бухау, безъ сомнѣнія относится къ эпохѣ казней Грознаго.

признакомъ образованности (?); и какъ у нихъ за столомъ ничего не бываетъ чаще, какъ брать съ ними пищу, то я не нахожу этого большимъ удовольствіемъ. В. князь московскій имѣетъ въ изобиліи серебряную посуду и при пирахъ они употребляютъ ее въ большомъ количествѣ, чтобы показать свое богатство. Знатные же очень часто ставятъ на своихъ столахъ деревянные чаши и стаканы, которые однако монахи въ нѣкоторыхъ монастыряхъ дѣлаютъ весьма изящно и искусно украшаютъ кругомъ золотомъ. Они весьма много употребляютъ говяжьяго мяса, свинаго и бараньяго, а отъ телятины постоянно воздерживаются. Всякую пищу они приправляютъ лукомъ и чеснокомъ и эти приправы употребляютъ постоянно, пренебрегая тѣми, которыми пользуются народы съ болѣе развитымъ вкусомъ. Съ жаренымъ мясомъ они употребляютъ соленыя сливы вмѣсто лимоновъ; однако послѣдніе, привезенные купцами, они считаютъ за лакомство при рыбахъ и другой пищѣ. Употребленіе вина у нихъ очень рѣдко, потому что виноградъ не родится въ Московіи. За самымъ столомъ В. князя намъ предложенъ былъ только единственный стаканъ вина. У нихъ есть свой особенный напитокъ, но довольно пріятный, который они дѣлаютъ изъ меда, воды и хмеля; иногда даже приправляютъ его ароматами или какими нибудь плодами. У самого князя онъ бываютъ бѣлаго и краснаго цвѣта и такъ превосходенъ, что поспоритъ съ нашей мальвазіей; но такъ какъ этотъ напитокъ холодный, то они употребляютъ за завтракомъ и обѣдомъ горячее вино, которое, какъ они думаютъ, приличнѣе для ихъ желудка, такъ какъ они не имѣютъ нашего вина и живутъ въ самыхъ холодныхъ странахъ. Бѣднѣйшіе кромѣ того дѣлаютъ другой напитокъ изъ закваски и воды и называютъ его квасомъ". Жилища москвитянъ, по описанію Бухау, были таковы. „Дома знатныхъ и городскихъ жителей малы и большею частью крыты соломой. Всѣ комнаты, которыя мы видѣли въ Московіи, печей не имѣютъ. Такъ какъ у нихъ печи бываютъ только для приготовленія пищи и хлѣба, то все наполняется дымомъ; а какъ люди и скотъ находятся вмѣстѣ, то все очень грязно. Вмѣсто оконъ они употребляютъ льняной холстъ, пропитанный масломъ, чтобы туда проникало больше свѣта, либо бычачьи пузыри, потому что стекла у нихъ совсѣмъ нѣтъ. Въ области Псковской и Новгородской находится камень, удобно раскалываемый, изъ котораго обыкновенно дѣлаютъ окна, также до удивленія прозрачныя (изъ слюды).

Въ восьмой главѣ говорится о монетѣ въ Московскомъ государ-

ствѣ. Тутъ фонъ-Бухау жалуется на сбивчивость счета у москвитянъ. Эту неопредѣленность въ монетной системѣ онъ объясняетъ тѣмъ, что Русскіе, не имѣя собственныхъ рудниковъ, покупали золотыя и серебряныя монеты и чеканили изъ нихъ свою монету. Не было опредѣленнаго монетнаго курса еще и потому, что было множество разнаго рода монетъ (византійскихъ, австрійскихъ, англійскихъ, венгерскихъ, испанскихъ, литовскихъ, польскихъ, московскихъ, новгородскихъ, областныхъ и. т. д.) „Иногда за золотую монету, говоритъ онъ, которую мы называемъ Угорской, даютъ только сотню крестовиковъ, къ которымъ однако прибавляютъ 8 и больше." Стоимость же червонца (Угорскаго) Прозоровскій [1]) опредѣляетъ въ 126 крестовиковъ или денегъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что при обмѣнѣ иностранные купцы теряли до 18 денегъ.

За ефимокъ, по словамъ Принца, платилось отъ 66—69 крестовиковъ. Относительно настоящей цѣны ефимка мы находимъ любопытныя извѣстія въ торговой книгѣ, составленной въ 1575 и 1610 гг. Полная цѣна стараго ефимка равнялась 82 деньгамъ, а новаго—75; по словамъ же Бухау, въ его время за ефимокъ платили отъ 66—69 денегъ; слѣдовательно на каждомъ ефимкѣ купцы теряли до 9 денегъ. Покупная цѣна ефимка, приводимая Принцемъ фонъ-Бухау, нѣсколько ниже покупной цѣны, приводимой другими путешественниками. Такъ Маржеретъ [2]) говоритъ: „купцы иноземные привозятъ множество ефимковъ, которые Русскіе принимаютъ съ выгодою: каждый ефимокъ идетъ за 12 алтынъ или 36 денегъ (новгородскихъ) или 72 московскихъ". Въ торговлѣ, по словамъ Бухау, употребляютъ часто названіе рубль; но рубль не есть названіе извѣстной монеты: только 100 новгородскихъ монетъ составляютъ рубль. Кромѣ этихъ монетъ въ большомъ употребленіи у москвитянъ, по словамъ Бухау, была новгородская монета, стоющая 2 крестовика и выдѣлываемая изъ иностраннаго серебра во всѣхъ главныхъ городахъ золотыхъ дѣлъ мастерами. Деньга содержитъ

---

[1]) „Монета и вѣсъ въ Россіи" въ Зап. Арх. общ. XII.

[2]) Былъ въ Россіи впрочемъ уже при Борисѣ Годуновѣ и потомъ обнародовалъ во Франціи книгу: «Estat de l' Empire da Russie et grand Duché de Moscovie. Avec ce qui s' y est passé de plus memorable et tragique depuis l' an 1590 jusques en l'an 1606«. Par le capitaine Margeret.

въ себѣ половину новгородской монеты, стоитъ одинъ крестовикъ и такой же формы. Три новгородки называются собственнымъ именемъ „алтынъ.“ Кромѣ этихъ крупныхъ есть очень мелкія, которыхъ на 1 крестовикъ идетъ 1? штукъ [1]).

Въ 9-й главѣ говорится о механическихъ искусствахъ и земледѣліи. Главную массу жителей, по словамъ Бухау, составляетъ земледѣльческій классъ—крестьяне. Положеніе крестьянъ Бухау изображаетъ крайне незавиднымъ... „Ихъ, по его словамъ, заставляютъ платить каждую недѣлю по нѣсколько денегъ В. князю и своимъ господамъ [2]); они имѣютъ скотъ, плоды и кромѣ того что нибудь изъ сельскихъ вещей; отказывая себѣ во всемъ, они продаютъ ихъ сосѣднимъ гражданамъ, а сами вмѣстѣ съ женами и дѣтьми довольствуются черными хлѣбомъ, живутъ очень бѣдно, одѣваются въ толстѣйшее сукно и сами себѣ дѣлаютъ обувь изъ древесной коры (лапти?), чтобы только не нуждаться въ работѣ сапожниковъ“. Естественнымъ слѣдствіемъ такой матеріальной необезпеченности должно было явиться то, что они не могли заботиться объ улучшеніи способовъ производства. „Но, не смотря на это, говоритъ Бухау, плодородіе и обширность земли дѣлаютъ то, что поля, воздѣланныя по меньшей мѣрѣ посредственно, приносятъ обильные плоды“. Земледѣльческое производство велось у москвитянъ, по словамъ Бухау, такъ: „Сжатый во время хлѣбъ они складываютъ въ копны и кладутъ въ видѣ шалашей, растянутыхъ рядомъ въ видѣ лѣстницы, чтобы онъ просохъ отъ воздуха и вѣтра. Сушатъ хлѣбъ въ какихъ то маленькихъ шалашахъ (овинахъ), своды которыхъ нагрѣваются; пользу этого они доказываютъ тѣмъ, что если хлѣбъ такимъ образомъ затвердѣетъ отъ дыма, то онъ безъ всякаго поврежденія можетъ сохраняться многія лѣта въ хлѣбныхъ амбарахъ, хотя бы никогда не трогался, какъ

---

[1]) Поборы съ крестьянъ были дѣйствительно значительны и разнообразны: дань, писчая бѣлка, подвода, ямъ, тамга, мытъ, костки, осминничее, вѣсчее, помѣрное, городъ дѣлати, княжей или намѣстничь дворъ ставить, коня княжаго кормить, княжіе луга косить и многое другое смотря по мѣстностямъ (см. Бѣляева, „Крестьяне на Руси“, 47 ст.)

[2]) Здѣсь Бухау вѣроятно говоритъ о такъ называемыхъ пулахъ—мѣдной монетѣ. Извѣстія другихъ писателей о цѣнности пулъ разнорѣчивы. По свидѣтельству Герберштейна на 1 крестовикъ шло 60 пулъ, а по свидѣтельству Гваньини—40 (Mosc. descr., editio Starczewski).

это обыкновенно бываетъ у насъ. Это подтверждаютъ также и Литовцы, соблюдающіе тотъ же самый способъ. У нѣкоторыхъ знатныхъ устроены для молотьбы гумна, но люди простаго званія поливаютъ водою какое либо ровное мѣсто передъ тѣми шалашами, о которыхъ мы сказали, и на немъ, послѣ того какъ оно отвердѣетъ отъ льда, выбиваютъ зерна хлѣба. Мучныхъ мельницъ у рѣкъ, хотя ихъ можно было бы очень удобно устроить, у нихъ очень мало, потому что всякій хозяинъ, пользуясь трудомъ служанокъ, двумя не очень большими, круглыми камнями, растираетъ зерна въ своемъ домѣ и приготовляетъ столько муки, сколько можетъ быть достаточно для него и его семейства". Таковы были положеніе и занятія крестьянъ. Слѣдующій за ними по важности былъ классъ торговый. О купцахъ Бухау въ нѣсколькихъ словахъ говоритъ, что они, скупивши отовсюду мѣха, воскъ и другіе предметы, которыхъ дома имѣютъ въ изобиліи, мѣняютъ ихъ на сукна и ароматы, и эти товары продаютъ уже своимъ согражданамъ за деньги. Изъ этихъ словъ видно, что на Руси въ то время преобладала не денежная, а мѣновая торговля [1]). Послѣднее мѣсто занимаетъ классъ ремесленниковъ. О нихъ Бухау говоритъ такъ. „Только въ одной столицѣ Московіи живутъ болѣе искусные мастера, которые однако по большей части Нѣмцы; въ другихъ же мѣстахъ кромѣ портныхъ и сапожниковъ почти нѣтъ никакихъ [2])". Наконецъ, въ самомъ концѣ Бухау упоми-

---

[1]) На такой характеръ торговли указываетъ и Н. И. Костомаровъ въ своемъ »Очеркѣ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII вв.«

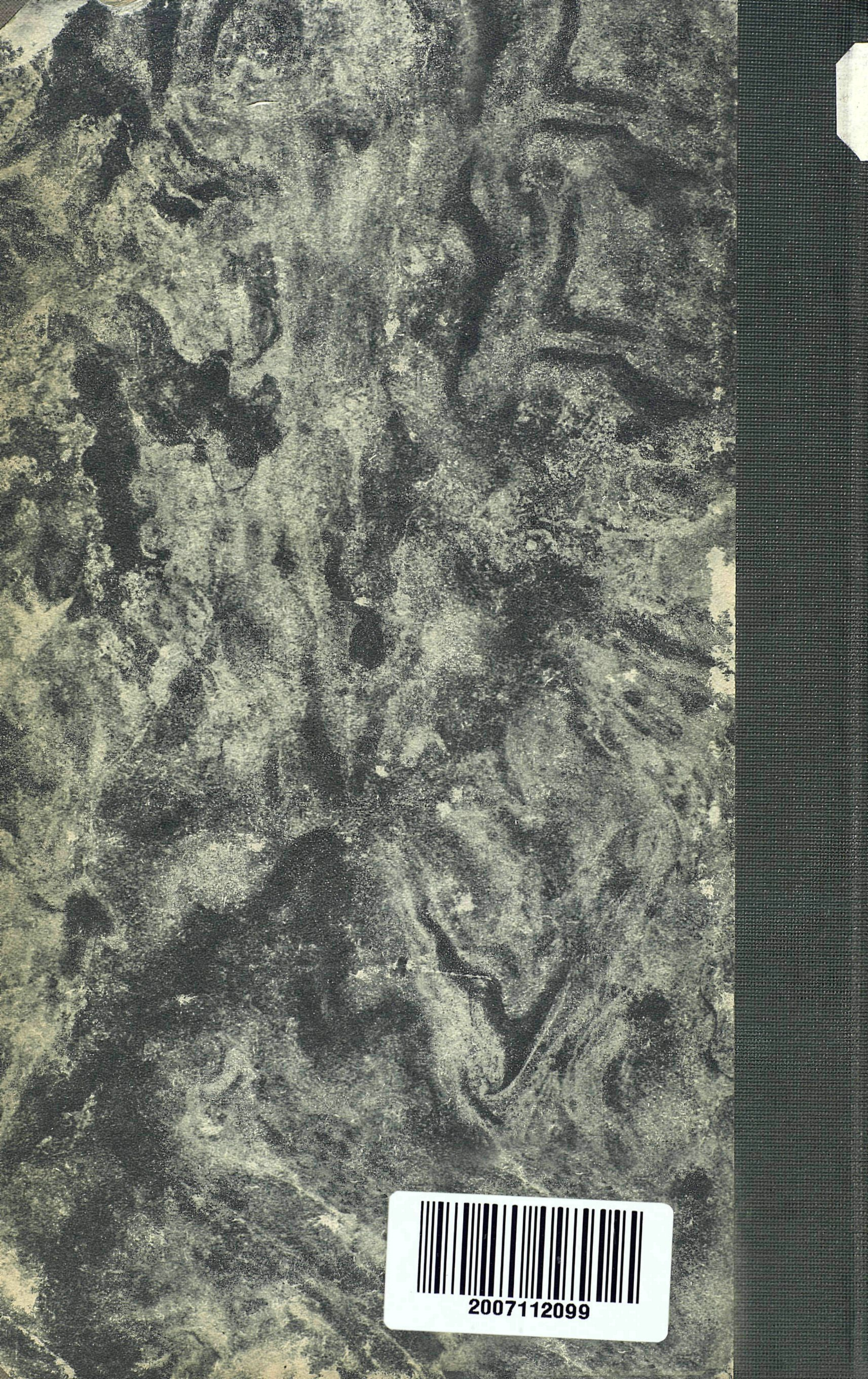
[2]) Но изъ писцовой книги г Казани можно видѣть, что туда были переведены изъ Пскова и др. городовъ разные мастера, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и серебреники. Очерки. древней Казани. П. Заринскато, 38—41.

[3]) Подтвержденія того факта, чтобы деревни—ямы освобождались отъ всѣхъ другихъ повинностей, мы не видимъ въ русскихъ источникахъ (въ грамотахъ Василія Ш, Ивана IV, Бориса и т. д.). Скорѣе можно думать, что въ деревнѣ, обязанной нести ямскую службу, выискивались охотники, которые принимали на себя обязанность снабжать лошадьми и проводниками государевыхъ служилыхъ людей и за то освобождались отъ оброка и всѣхъ другихъ повинностей; число этихъ охотниковъ иногда простиралось до 70 человѣкъ и болѣе. См. статью бывшаго профессора Кіевскаго университета Домбровскаго, помѣщенную въ XXXI-й части Жур. Мин. Нар. Просв. Подробности въ Ист. финанс. учр. Россіи гр. Д. Толстаго, 50—56.

маетъ о путяхъ сообщенія. „Очень многимъ деревнямъ, говоритъ онъ, В. князь даетъ свободу отъ тѣхъ тягостей, которыми обременяются другія, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они всегда имѣли готовыхъ лошадей и даромъ въ достаточномъ количествѣ давали ихъ тѣмъ, которые ѣдутъ отъ его имени [3]). Эти деревни обыкновенно называются ямами отъ иманія. Поэтому всякому, кто ѣдетъ по казенной надобности (nomine publico) для скорости дозволяется брать новыхъ лошадей на этихъ мѣстахъ. Мѣста такого рода отстоятъ другъ отъ друга почти на 6 миль, особенно по дорогѣ, идущей отъ пограничныхъ крѣпостей въ Московію. И такъ, пользуясь этимъ удобствомъ, они часто совершаютъ величайшіе переѣзды, особенно если того требуетъ необходимость, и въ продолженіи немногихъ дней доносятъ В. князю, что дѣлается у сосѣдей. Впрочемъ послы иностранные тоже могутъ брать лошадей изъ этихъ деревень. За то купцамъ и частнымъ лицамъ, по словамъ Бухау, приходится испытывать большія непріятности и затрудненія, такъ какъ постоянныхъ дворовъ никакихъ нѣтъ и едва за деньги можно достать хлѣба“.

Д. Багалѣй.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1879 года.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Кіевъ, въ университетской типографіи.

2007112099